

Наталья Викс – поэт, прозаик, эссеист, родилась и живёт в городе Усть-Каменогорске. Первые стихотворные опыты начала в 5 лет. В юности периодически печаталась в газете «Рудный Алтай» и альманахе «Ақ Ертіс». Закончила ВКГУ. Произведения выходили в составе сборников «Родная земля – золотая колыбель» (2014), «Жемчужные четки» (2014), «Жар-птица» (2016), в составе 30-томника к 100-летию Регионального литературного объединения «Звено Алтая» (2022), в авторском сборнике «Чудо на каждом шагу». С 2021 года – член Союза писателей России.

Наталья ВИКС

*Из цикла
«Рассказы из детства»*

ВЕДЬМА

– Бабушка, расскажи!

– Спи давай!

– Ты же обещала! А я глаза закрою – вот!

И я честно закрываю глаза, вытягиваюсь в струнку под одеялом, делая серьёзное лицо. Бабушка тихо дышит в темноте, и я своим детским чутьём понимаю, что ещё немножко, и бабуся сдастся.

– Баб, ну расскажи, как ты маленькой была...

Родилась я в девятнадцатом году¹. После меня у отца с матерью ещё двое детей было – брат и сестра. Но я была старшая. А это что значит? Это – всё хозяйство в доме уже с малых лет на мне. Воды принести, какой-никакой обед сгоношить, прибраться, пол до блеска вымыть. Отец мой, Леонтий, человек был строгий да нелюдимый, вечно хмурый ходил, неласковый. Чуть что – мог и палкой наподдать. Мамушка моя, Галина – умерла скоротечно, от тифа. Так и остались мы наполовину сиротами. А голод в стране стоял – страсть какой! Соседи наши, Вишенковы, всей семьёй распухли да умерли. Но в деревне всё равно было полегче, чем в городе. Всё-таки на земле живёшь – что воткнёшь в неё, то и получишь.

Было у отца три сестры, мои тётки. Удалось им в самый голод на Украину уехать, на Дон. Мы же из казаков донских были, и сам царь Николай² назначил дядьку моего начальником погранзаставы в Зайсане – вот и прибыли

¹ Имеется в виду 1919 год.

² Николай Второй, последний русский царь.

к месту службы с детьми, с семьями... Нда-а... Ну, а теперь тётки с дедом обратно уехали – на исконную родину. Отец один остался. Только вся дальняя родня наперебой сватать его стала. А что? Мужик молодой, в расцвете сил, хозяйка нужна, кому работать-то? Ну, и спровадили нас, детей, к тёткам, чтоб мы не мешались, под ногами не путались. Совсем отрезанными ломтями стали. Мне уж тогда тринадцать стукнуло.

Старшая тётка, отцова сестра, за нами приехала. Слышала – ругались они с тятькой шибко, потом оба плакали. Поужинали тем, что Бог послал, – примирились. Тётка-то постряпушки с собой привезла, и пока мы ели их так, что за ушами трещало, смотрела на нас жалостливыми глазами. Прощались недолго. Собрали каждый свой узелок – да на железную дорогу. Соседи на телеге довели до города, там уж где пешком, где добрые люди ещё на возочке подвезли. Отец-то спозаранку на поле был, и не увидели его. Больше уж никогда не увидели.

В дороге сестра моя младшая умерла. Брат болел тоже, но до Украины доехал. Там его двоюродный дед в семью забрал, в соседнюю станицу. Мало потом с ним виделись. А я у тёток осталась. Ничего... Та старшая тётка, Нина-то, мне вместо матери стала. Строгая была, как отец, малоразговорчивая, но добрая и работающая. Учила меня всему. И шить, и вязать. «Учись, – говорила, – Ганя³, женщина всё должна уметь делать. Вырастешь, сосватаем тебя да замуж отдадим, детки пойдут, так дитёнку свяжешь и сошьёшь. А прежде и себе приданое спроворишь». На Украине голод чувствовался не так остро. Всё-таки юг. Хлеба, фруктов было больше. Крапива росла позадь огорода – ого-го какая!

– Бабушка! А крапива-то при чём?

– Как это? А в борщ добавляли. Вот летом нарву да сварю – язык проглотишь!

Вторая моя тётка, Клавдия – ух, красивая была! Женихи за ней хороводились... Работала в сельсовете. Сам председатель до дому её провожал. Ну, да ладно, про то тебе знать не надобно... Лучшая в станице певунья да плясунья была! Где бабы, девки толкуются – хохочут, мужиков задирают, аль гулянка кака – там наша Клавка первая! А голос у неё был! Запоёт – в соседней станице слышно!

Один раз пришли погорельцы в станицу: мать и сын. Мать-то старенькая уже была, изработавшаяся, а сын – здоровенный детина, щёки – маков цвет, глаза голубые, чуб кудреватый, красавец такой! Мать у Аксиньи-мельничихи устроилась переночевать, а сынок на вечерку собрался. Ну и Клавдия наша там была. Увидела ясного сокола, усмехнулась, выскочила вперёд да и запела частушку, которая ей тут же на ум пришла:

Мама, чаю! Мама, чаю!

Кофию густущего!

Полюбила я сегодня

Нищего толстущего!

И пошла выплясывать, ногами в сапожках выкрутасы выделявать! Ну, все в хохот! А она, бесстыдница, подхватила парня того кадриль танцевать. Он от неё, слышь-ка, весь вечер не отходил, всё в глаза заглядывал, как дыру только не протёр на кофточке крепжоржетовой. Потом до дому провожал, вздыхал всю дорогу. Но замуж она сама вовсе не рвалась. Клава, вишь, учёная была, сама зарабатывала. Семья ей, вроде как, и ни к чему. На нас она мало внимания обращала. Живём да и живём. Но не обижала. Тогда люди добрее были.

³ Имя бабушки было Агафья, Ганя – домашнее имя.

А третья тётка и вовсе моей подружкой любимой стала! Матрёна-то!

– Баба Мотя? Которая в Алма-Ате?

– Ну да. Ты спи... спи и слушай.

Мотя-то меня всего на год старше была. Все думали, что мы сестры – обе маленькие росточком, шустрые. Ей-то, как мы приехали, уже четырнадцать исполнилось – по деревенским меркам почти невеста. А какая там невеста – тощая да малорослая. Так мы и ходили вместе, парочкой. Хорошая она, Мотя-то... Только всё мечтала о чём-то. Читать, например, она поболее меня умела, книжки брала в ликбезе. Там разные были, в избе-читальне. Поди и не знаешь, что это такое, а? Вот прочтёт что-нибудь – и мечтает... Фантазёрка такая! Вот Мотя мне первая и сказала, что в деревне есть ведьма. Настоящая! И жила она в нашей стороне, за рекой, на дальней улице. Помнишь, в салки играли, подошла девка такая – длинная, косая, в конопушках вся? Это дочь её, Бронька. Она придурковатая.

– Это та, которую в игру не взяли? А она нам потом кулаком грозила и камнями кидалась?

– Она...

Поговорили и забыли. Если б не случай... Потерялась у нас коза. Веркой звали. Вредная была, бодучая, но доилась хорошо. Жалко, если пропадёт. Отвязалась, пока паслась у забора, – и ну в неизвестном направлении! Непослушная была, с норовом, любила убежать. Взрослые, конечно, давай на нас кричать. Вот мы с Мотей-то и побежали лугами – перелесками, Верку искать. Бежим, зовём, ног под собой не чуем. А время тогда голодное было. Козу могли найти, украсть и забить на мясо. Ох, как мы испугались! Но тут дядя Степан, деревенский почтальон, говорит: видел-де он нашу козу под яром, из речки попила да на ту сторону подалась. Делать нечего, побежали мы с Мотей. До мостика было далеко, платишки повыше приподняли и перешли речушку вброд. Вышли к чужим огородам. Нашли межу, пошли потихоньку, а сами кричим на разные голоса: «Верка! Верка!» Не видать козы, репей всюду. А тут межа кончилась. И вышли мы куда-то не туда: место глухое, домов напротив не видно. Рядом изба имеется, развалюха этакая, а больше ничего: лесок, за ним поле. Пришлось через двор идти – к калитке. Но это ж не дело – по чужому двору ходить. Вот Мотя, как старшая, и позвала: «Хозяюшка-а! Есть тут кто? Дозвольте вашим двором пройти. Мы козу ищем!» Дверь развалюхи заскрипела хрипло, и вывалилась оттуда баба. Чёрная, страшная, горбатая какая-то. Мы с Мотей онемели. Баба вытирала плешь чистым полотенцем. Увидела нас, прищурилась.

– Это кто ж вы такие будете, девицы?

Голос глухой был и раздавался словно отовсюду.

– Ивана Сиверова дочь, Матрёна. А это, – Мотя приобняла меня, – внучка евойная, Ганя. У нас коза потерялась. Мы ищем... Сказали, за яром... – голос Моти срывался от страха.

– Коза, говоришь? Нету тут вашей козы, девоньки. Не было. Чего бы ей делать тут, а? А вот дочку мою забижать и вовсе не стоило. Поиграли бы с ней, побегали. Глядит-ко, в следующий раз не забидьте, а то я... Броня! – обернулась в горницу баба.

Мы с Мотей в ужасе переглянулись, и в этот момент из сараюшки, что рядом стоял, донеслось знакомое мемеканье. Верка! Только она так мемекала – басом. Слышим – забила копытцами по стенкам – наш голос услышала! «Верка! Верка!» – закричала Мотя. Коза замемекала громче, и вдруг на нас надвинулась черная тень. Ведьма стояла, возвышаясь над нами как грозная туча. Какая-то вовсе огромная. Глаза прямо с тарелки были – а в них злоба кипела, красные жилки подрагивали.

Развернулись мы с Мотей – и прямо по огороду, по картошке – от этого чудовища. Не разбирая дороги. Через речушку бежали – я башмаки потеряла, увязли в иле. Так потом до заморозков босая бегала. Бежали, бежали, задыхались, только за нашим забором опомнились.

– Верка в сарае у ведьмы спрятана! – ещё в сених крикнула Мотя.

На крик вышли взрослые: дед мой, Иван Сиверов, Мотькин отец, тётка Нина с мужем, Клавдия. Услышали, замолчали.

– Дела...– крикнул Павел, муж тётки, – что-делать-то будем? – и поглядел на тестя – хозяина дома.

– Что тут сделаешь... гхм-м... надо соседей собрать... побольше. Да пойти, проверить, – после некоторого раздумья предложил дед, вертя в пожелтевших пальцах самокрутку.

– Вичор уже... куда пойдёшь, к кому? Все кашу едят да на полати, – раздражённо ответила тётка Нина. – Эх, ты-ы! – и отвесила Моте звонкую затрещину.

– Не тронь Мотьку! – вступился дед. – Кто ж знал-то, что коза к ведьме сунется? Она уж пятый раз сбегает. Заколите её, больше не сбежит.

– Приведи её сперва! – брякнула Клавдия. И все замолчали, стали опять думать.

Поздно вечером так порешили: дед ранёхонько, пока соседи по работам не разошлись, пойдёт и уговорит кой-кого к ведьме сходить. Конечно, не потому, что боится, а чтоб свидетели были.

Ночью, засыпая на полатах, мы, как всегда, тихонечко перешёптывались с Мотей:

– Видала её, ведьму-то? Вот она какая... страшная...

– Моть, а ты её до этого видела?

– Видела пару раз. Только издали. Один раз бабы белье в реке полоскали – на мостках, знаешь? Так вот и она заявила полоскать. Бабы говорили, после этого белье вновь грязным стало. И пахло противно, кислятиной. А другой раз видела, когда дядька Фёдор ногу сломал. Да так неудачно, – с большой груши свалился, старые ветки подпиливал. Фершал⁴ в Донецк уехал, и не было его с неделю. А у дядьки ногу разнесло – во! Тогда и додумался кто-то ведьму позвать. Пришла она. Распарила в большой лохани травы какие-то, положила туда дядькину ногу. И ну её мять! И мяла, и растирала, и била по ней. Дядьке даже в горло немножко горилки влили. Много ведьма не велела. А больно ему было шибко! Он уж и стонал, и плакал, и ногтями царапал края лохани! Вот распарила. Привязала ногу к широкой и длинной доске, да не просто привязала, а надрала лыка заранее, и вот этим лубком всю ногу-то и укутала плотно. Шептала что-то. Я через окошко видела – губы шевелились. Потом поплевала на четыре стороны и ушла. Глянули – а дядька Фёдор спит крепко, видать, полегчало ему. Сутки проспал. Будить тятя не велел.

– А дорого за лечение-то взяла?

– Ничего не взяла. Вот то-то и странно...

– Мотя, а что теперь будет-то?

– Что-что... сама не знаю что, спать давай!

Утром, однако не пришлось никуда идти. Окровавленная шкура козы лежала у забора. Дед первым нашёл её и что-то закричал. Погрозил кулаком в воздух. За утренней трапезой опять все молчали. Только когда тётка разлила киселя, дед заговорил первым:

– Бог с ней... с козой-то. Федьку же она вылечила забесплатно. Пушай коза ей будет.

⁴ Фельдшер.

– А не дорого ли?.. – встрепелась неугомонная Клавка.

– Что ж сама Фёдора не лечила, а? Слабо?

– Ой, батя! Да боишься ты её просто, ведьму-то! – ляпнула Клавдия.

– Бо-юсь?! – вскочил дед. – Я – бо-юсь? А ну!..

– Молчите! Молчите все! – крикнула старшая тётка Нина. – И ты, Клавка, нишкни! А ты, батя, сядь спокойно!

Дед посмотрел на старшую дочь с усмешкой:

– А то – что?..

– Ничего... – молвила Нина, – знали же, придётся откупиться когда-нибудь. Так вот пусть лучше коза ей будет... Чем...

– Чем – кто? – вытаращила глаза Клавдия.

– Чем из нас кто-нибудь! – выпалила тётка Нина и, вскочив из-за стола, скрылась у себя за ширмой.

Больше уж никто не возражал. Разошлись, каждый по своим делам. И всё было бы тихо да спокойно, если б в тот же вечер подвыпивший дядька Федор не нагнал ведьму по дороге из сельмага.

– Что ж ты, Варвара Прокоповна, с козой-то нашей поделала! Да произдевалась ещё! Ну сварила борщ с пампушками, шкуру-то зачем подбрасывать? Да племяшкам моим, говорят, грозилась... али врут они? – всё больше распалялся дядька. – Я тебе, Прокоповна, сама знаешь, до смерти буду благодарен, за то, что ногу спасла, – с меня и спрашивай! Батрачить пойду, а за лечение отдам! Но племяшек моих – не трогай!

– Тьфу! Дурак ты, ну как есть дурак! – воскликнула ведьма. – Батрачить пойдёшь?! Иди хоть ко мне, плечи женские – не железные, сам знаешь, а по возрасту и ноги болят, и спину ломит. А ну как... – тут она приостановилась и приосанилась, – женись-ка ты на моей Броньке или хоть на мне! Должок-то и спишу! – она ехидно захохотала.

– Что? – отшатнулся дядька. – Как – женись? Я же... женат... – залепетал он.

– Сегодня женат, завтра нет... – спокойно молвила ведьма, тяжело ступая в разбитых башмаках по камням.

– Чур... чур меня, чур! – замотал руками и головой дядька Федор. Не выдержал, охнул и побежал вдоль по улице, заламывая руки.

Ведьма тяжело пошла дальше, криво улыбаясь.

Мы этого ничего и не знали, потом только дядька рассказал, когда случилась сама история... Дня через три, ровнёхонько на той же неделе. Под вечер. Сенокос приближался. А покосы-то они как? Где место попрохладней да повлажнее – там трава ещё стоит. Где сухо да ветрено – косить надо в первую очередь. Вот и пошли мы с Мотей покосы смотреть, разбирать, прикидывать – где сперва косить, следующим утром. Шли сначала перелеском. Воздух хороший, но душновато. Потом в поле вышли. Тут вовсе жарко. А закат на Украине долгий стоит, розовый. В траве перепёлка тетёкает, хорошо! Где-то ручеек звенит, переливается. Земляника опять же – целую полянку нашли, пока не съели да в подол не набрали – не успокоились. Только вдруг меня морозить стало. Странное такое ощущение – вроде жарко, а по спине этакий холодок пробегает. И неудобно как-то.

– Пойдём-ка, – говорю, – Мотя. Будет нам земляничкой баловаться. Покосы ждут.

– И то верно, – Мотя говорит, – пойдём уже.

Вышли мы на тропинку, да вдруг услышали... Будто бы рой жужжит, или ветки хрустят потихоньку. Позади нас поворот был, так вот из-за поворота того звук доносился. Нарастал, нарастал. Глянули мы испуганно друг на друга.

– Что это, Моть?

– А я почём знаю? – а у самой губы побелели.

И видим – из-за поворота на тропинку выскочил большой клубок. Ком такой – серый, коричневый, сизый, не разобрать. Вертится, вертится – аж дух захватывает, как быстро! Из-за верчения этого совсем непонятно – из чего он. Клубок да клубок. Ком, одним словом. Но какой-то лохматый и страшный. Кинулись мы бежать от него, куст – не куст, балка – не балка⁵... Землянику рассыпали, подолаи руками зажали. А убежать не можем! То справа нагонит нас клубок, то слева высунется! Бежали мы с Мотей, бежали, выдохлись. Оглянулись – тихо. Не видать ничего. Повалились мы на землю – отдышаться не можем. Не пришли ещё в себя – глядь! Клубок этот из-за пригорка –шуррхх! И на нас. Снова побежали. По терновнику, по колючкам! Я там последнее платьишко пооборвала. А ноги-то, ноги! Где об камень ударишь, где на колючку наступишь. Клубок мелькал-мелькал сзади, да снова пропал. И мы остановились. Сил не было.

– Слышь, Ганя! Это же она! Ведьма!

– Ой, Мотя...– и ноги у меня подогнулись. Но Мотя, тяжело дыша, что-то соображала.

– Вот что, стой спокойно, думаю, ведьма ничего нам не сделает!

– Как это не сделает? Не убьёт нас?

– Нет. Слышала, ведьмы первого и последнего в семье не трогают. Бабушки мои так говорили.

– Мотя...

– Гляди! Ты старшая у отца с матерью, а я младшая! И поскорее молитву читай! Какую знаешь?

– «Богородицу»...

– Читай громче! А что б ей неповадно было, я вот, сейчас... – и она схватила с земли увесистый камень. Схватила, а у самой руки дрожат. Но она старшая, ей бояться перед мной вроде как стыдно... Тут показалось, что земля дрогнула. Видим, летит на нас клубок, по земле катится, а за ним след остаётся. Трава вянет, падает. Схватила меня Мотя, перед собой поставила и держит крепко, чтоб я не вырвалась. Так и стоим посередь тропинки одна за другой.

Мне так страшно стало, я глаза зажмурила:

– Мамочка, мамочка, ма-амочка... Богородице Дево, радуйся, Благодатная...

И Мотя от страха в меня что есть силы вцепилась. Подкатился клубок – нас таким холодом обдало, ровно зима настала. Начал ком вокруг нас с сумасшедшей скоростью круги давать. Каждый круг всё уже, уже... А мы стоим еле-еле, не помня себя от страха. Чувствую, ноги слабеют, подгибаются сами, упаду скоро. Вдруг Мотя улучила момент, когда клубок близко был, бросила в него камень. Ухнуло и завопило что-то, словно от боли. И клубок вовсе обезумел – прокатился у нас между ног и в пыль рассыпался. Ноги с внутренней стороны льдом обожгло. Сколько мы пробыли на том месте – не знаю. У обеих ноги отнялись, сели мы на траву. Даже говорить сил не было. Рады были, что живы остались. Но сиди, не сиди, а закат малиновый на полнебосвода, ночь на носу. Какие уж покосы, домой бы добраться до темноты. Еле как мы встали и побрели потихоньку обратно. В калитку зашли – совсем темно стало. Тут к нам вся родня кинулась:

– Что с вами?!

Глянули мы в Клавкино маленькое зеркальце. Бледные обе до синевы, чисто покойницы. И голос у обеих пропал. Так и молчали неделю, потом полегчало.

От фельдшера мы после про ведьму узнали. Кирилл Федотыч, так фельдшера звали, заходил иногда к деду побалакать, рюмашку пропустить. Он и

⁵ Так на Украине часто называют овраг.

рассказал, что Бронька ночью прибежала к нему: ревёт, зовёт куда-то, а сказать ничего не может, мычит только. Схватил фельдшер свой чемоданчик – он никогда с ним не расставался по старой привычке, и вышел в ночь за Бронькой. Та привела его к матери. В горнице у ведьмы было полутемно, чадила керосиновая лампа. Пахло травами. Фельдшер с любопытством оглядывал многочисленные полки с какими-то склянками, пожелтевшие свёртки пергаментной бумаги, пыльные букеты пижмы, пышные султаны вейника. У ведьмы была рана на голове, не особо большая, но кровила сильно. Пришлось Кириллу Федотычу швы наложить, зелёной помазать.

– Кто это вас так? – наконец осмелился спросить фельдшер. – В сельсовет идите – заявление писать.

Ведьма ничего не ответила, только глаза скосила. И почему-то понял Кирилл Федотыч, что никуда она не пойдёт.

– Как хотите... – пожал он плечами, – я бы на вашем месте... – и вдруг осёкся.

– Понимаешь, – говорил он деду, – мажу зелёной ей висок, а руки её рядом мечутся – от боли, видно. И вдруг на одну минуту остановились. Веришь ли, вижу – не руку человеческую, а навроде как лапа лягушачья – зелёная с перепонкой. Ну, я и дунул оттуда! Как только чемоданчик схватил...

Больше мы ведьму не видели. Вскоре всей семьёй и вовсе в Волноваху переехали, к брату деда. Это ближе к Донецку, чем была наша станица. Там я с братом встретила. Он уж высококонький к тому времени стал, обрадовался мне сильно. С Мотей подружился. Клавдия там свою судьбу нашла, за счетовода одного замуж вышла, вскоре деток ему нарожала. И всё весёлая, слышь-ко, была, песни детям пела. Дед прожил долго, до девяноста трёх годов, в семье у Нины с Павлом. И они прожили свою жизнь, не жаловались никому. Мы-то с Мотей потом в Казахстан уехали, а они все в Волновахе остались. С Мотей мы часто потом эту историю вспоминали. Но спросить о ведьме уже было некого. Мотя одной станичной знакомой писала. Ответа не получила. Видать, у каждого свои дела-заботы, может, уехали, а потом война пришла, всех разнесла. Взрослые-то нам, после всех событий, крепкое внушенье сделали, за ведьму ту. А при чём тут мы – так с Мотей и не поняли. Наверно, на всякий случай, чтоб не лезли куда попало. Такие дела... А ты спи... спи, поздно уже...

**Оформить
подписку
на журнал
МОЖНО:**

- В отделениях АО «Казпочта»
- На сайте www.post.kz
- В приложении Kaspi.kz
- С любого месяца

Подписной индекс:

для физических лиц
75796

Стоимость в 2025 году:

1 месяц – 972 тг

3 месяца – 2915 тг

6 месяцев – 5830 тг

для юридических лиц
25796

Стоимость в 2025 году:

1 месяц – 1322 тг

3 месяца – 3965 тг

6 месяцев – 7930 тг